
ИРИНА РЯБИЙ

кандидат филологических наук

ПИСАТЕЛИ ЮГРЫ

В Югре проживает немало хороших прозаиков, среди них именитый Еремей Айпин и историческая романистка Маргарита Анисимкова, автор произведений на военную тему Александр Игумнов и пишущий на азербайджанском языке Княз Гочаг-оглы Гурбанов. Здесь же получивший известность замечательными рассказами о Кузьме Валерий Михайловский, авторы юмористических и фантастических рассказов, не говоря уже о сказителях и публицистах.

Мысленно представив портрет писателей Ханты-Мансийского округа, мы остановимся лишь на тех, в чьем творчестве более всего видна приверженность русской классической традиции.

В самом первом ряду бросается в глаза значимая фигура Сергея Козлова.

Его книги буквально рвут из рук. Несомненный успех, особенно у молодежи! В чем же причина такой любви?

Прежде всего его произведения занимательны. Все они имеют или хитро закрученный сюжет, как в повестях “Мобильная новелла”, романе “Отражение”, или содержат события из ряда вон выходящие (“Ночь перед вечностью”, “Беднейшие люди”, “Скинъкеды”, “Первозванный”), которые “держат” читателя до самого финала. Но при этом повести и романы Сергея Козлова нельзя назвать бульварным чтивом, отнюдь. Распутывая сюжетные нити и сопереживая героям, читатель пытается найти причину их счастья или несчастья, углубляясь в их внутренний мир, постигая смысл судьбы человеческой. При этом романы Сергея Козлова вмещают не только биографию чувств, но и жизнь, приключения героя, характерные для объективного романа.

В последнем его романе “Вид из окна” много исторических параллелей, литературных ассоциаций, которые расширяют пространственно-временные границы произведения, придавая глубинный смысл происходящему. И в то же время роман полон поэзии. Лирическая стихия присутствует в нем на равных с событийным началом. А событий в нем немало, и все они имеют непосредственное отношение к жизни, смерти и любви. Главный герой Павел Словоцов, поэт, пишущий роман о своей судьбе (роман в романе), признается: “Кто-то давно сказал, что в книге читателя держат три главных интриги: смерть, страх и любовь. И все они всегда ходят бок о бок. Это уже я от себя добавляю. В жизни, в сущности, не иначе”.

Синтетическая природа романной прозы, безусловно, сказывается и на его герое. Надо сказать, что проблема героя остро встала перед автором уже в самом начале его творческого пути. В повести “Репетиция Апокалипсиса” (1998) автор доверяет автору-повествователю свои размышления о том, каким должен быть современный герой: “Думая впоследствии описать всё происшедшее с нами, я вдруг понял, что наша литература бедна на героев. Героев – в буквальном смысле этого слова (разрядка моя. – И. Р.). В ней

больше нерешительных хлюпиков, мечущихся, нагруженных философскими сомнениями и предрассудками интеллигентов, криминальных авторитетов, выписанных порой этакими положительными, даже справедливыми паханами-отцами, в ней бродят отчаявшиеся толпы людей и сами не знают, чего хотят; персонажи авангарда сплошь извращенцы и шизофреники; а если и есть герои – это отчаянные одиночки, противостоящие целому миру”.

Задача, которую ставил перед собой автор, скажем, не из лёгких уже потому, что эпический герой, о котором мечтал автор, в другом жанре не всегда уместен. А главное, рождение героя зачастую обязано действительности, ведь герои русской классики, как правило, выражали дух времени. Разве появился бы Базаров, не будь нигилистов на Руси? Наверное, более всего духу времени противится Степан, герой романа “Отражение”: “Современную литературу Степан недолюбливал. На чём свет стоит ругал писателей: они, мол, расквасили своими ноющими героями-интеллигентами народ, теперь запугивают его вездесущей мафией, что последней только на руку, а напоследок пытаются создавать фантастические образы народных суперменов, защитников униженных и оскорблённых. В результате – народ снова ждёт, что придёт Илья Муромец и накажет нехороших дяденек. Да так, мол, этому народу и надо! За темноту его, за все гражданские войны, за слепоту, за умирающее национальное достоинство...”.

Отчасти поиск писателем героя связан и с его идеологической установкой: нужны новые люди – здоровая нация, патриоты Отечества. Где их взять, как не “вырастить” на страницах романа? Предлагая на первых порах читателю успешного героя, писатель, по сути, сворачивает с дороги русской традиции в сторону американского бестселлера: “Тем не менее мне кажется, я знаю, почему нынешний читатель (в самой начитанной стране!) предпочитает американские пустышки-бестселлеры отчаянным исканиям персонажей отечественной литературы. Читатель устал проигрывать. Устал мямлить вместе с нашей интеллигенцией. Ему нужен победитель. Нет, я не говорю о литературизации какого-нибудь обрусевшего Шварценеггера. Но где Василий Тёркин, где хотя бы Глеб Жеглов? Шагая в фарватере огромной спины нашего Ильи, я задавался вопросом: неужели это единственный экземпляр... победителя?” Но одно дело былина с темой защиты русской земли, другое роман, где поражение в практических делах – не всегда слабость. Писатель пытается “синтезировать” героя. Этот человек хоть и не лишен мелких слабостей, может заблуждаться, однако честен, имеет четкие жизненные ориентиры. Таковы, например, Денис Баталов из рассказа “Ангел и муза”, Алексей Морошкин из повести “Скинъкеды”.

В романе “Вид из окна” писатель создает образ “типичного русского интеллигента, не нашедшего себе места в жизни”, страдающего, совершающего всевозможные сумасбродные поступки (чего стоит впадение в детство – закапывание бутылок в сугробы с записками в будущее). “Интеллект Павла Словоцова был вообще, по сути, не применим ни к чему, что связано с движением материи”. Кроме того, герой романа – Поэт, то есть человек с обостренным восприятием мира – его красоты и несовершенства. Поясняя разницу между поэтом и не-поэтом Володе Среде, Словоцов замечает: “У вас нормальный слой ауры, а у нас утончённый. И вся гадость этого мира захламляет нас прямо в душу... Ну, конечно, не только гадость... Прекрасное тоже...”

Однако, при внешней слабости, непрактичности, иррациональности в поведении, герой в конце романа оказывается даже в выигрыше, как Иван-дурак, который неизвестно почему получает невесту – царскую дочь. Правда, Словоцову ни полцарства, ни целого царства не нужно. Его возлюбленная Зарайская понимает, что, “Павла нельзя купить, нельзя содержать по договору, нельзя никак – за деньги, в какой-то момент он плюнет на любые барыши и бросится в свободное плавание. Сам же вопрос денег, тот, что его содержат, будет ржавым гвоздём торчать в его душе и кровоточить до тех пор, пока он не решится “умереть свободным””.

Главным врагом Павла в романе является не внешний враг – муж Веры, Зарайский, но враг внутренний – собственное несовершенство под названием одиночество. Оно практически непреодолимо, и все-таки от него можно освободиться: “Человек не может быть один, если с ним Бог. Точнее, если он с Богом”. А поскольку “Бог есть любовь”, то к ней и стремятся герои романа. Как пишет в предисловии к книге С. Козлова Дмитрий Мизгулин: “Каждому

в жизни суждено встретить Любовь. Но как часто мы, измученные или увлеченные житейскими страстями и страстишками, проходим мимо того, что и составляет главный Смысл нашей жизни. А дело в малом – необходимо хотя бы на миг остановиться, отрешиться от всепоглощающей житейской суеты и просто посмотреть в окно – так, как вы смотрели в детстве, открывая для себя огромный и прекрасный мир”.

На вопрос Веры, является ли панацеей от одиночества любовь между мужчиной и женщиной, Павел отвечает утвердительно: “Если любовь переходит на новую ступень, ведь она развивается, как и сам человек, то вместе с этим она преодолевает одиночество”.

Для Павла Словоца Любовь – стремление к Богу. Но жить в Боге, знать Его волю и действовать в соответствии с нею – заставляет Словоца мучиться. Страх потерять любимого человека приводит Павла к мысли о невозможности желанного счастья: “В Библии “счастье” – это одно из самых редких слов!.. Счастье – от словосочетания сей час. То есть – только временно! На сей час можно быть счастливым, но уже через минуту всё может быть по-другому. Поэтому гнаться за счастьем то же самое, что гнаться за материальным достатком...”

Герой боится поверить своему счастью – такой странной встрече с Верой Зарайской, он боится поверить своему счастью, сомневается в нем и пытается судьбу. Мотив судьбы является сюжетообразующим в романе. Он также реализуется в образе-символе, вынесенном в название романа: “Вид из окна”. Вид из окна – это наш мир, наша судьба: “... человек изо всех сил стремится вернуться именно к виду из окна. Правда, по этой теории, человек, который с детства видел в окне только кирпичные стены окружающих его жильё домов, в чём-то ущербен. Такой, если и станет поэтом, то будет слагать сухие конструкции, может, и толково рифмованные, но абсолютно лишённые чувственности, того самого поэтического начала, что заставляет при чтении стихов работать душу”. Устанавливая связь между пространством и человеком, его душой, его судьбой, герой вспоминает стихи Ивана Жданова:

*Я не блудил, как вор, воли своей не крал,
Душу не проливал, словно в песок вино,
Но подступает стыд, чтобы я только знал —
То, что снаружи крест, то внутри окно...*

Только вот вопрос: пространство определяет судьбу человека, или человек все-таки формирует это пространство? В рассуждениях Словоца первично пространство, у Жданова между ними стоит знак равенства. А вот в Евангелии от Луки утверждается полная зависимость внешнего от внутреннего: “Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно” (11.30–11.42).

Значит, от светильника тела зависит и судьба каждого человека. Об этом светильнике и заботится герой. Свой роман Павел Словоц называет “Над не”, переставив из одного слова в другое всего одну букву в названии пьесы Горького “На дне”, в которой, по словам Павла, пролетарский писатель “опустил людей ниже нижнего”: “... Из чего складывается это “не”, заставляющее человека перечеркивать самого себя? Но над “не” можно плыть, можно даже лететь, как над гнездом кукушки, а на дне можно только сучить ножками и ручками, теряя последний запас воздуха”. Герой все время стремится к правильному решению, выбирая пути и поступки. Сам роман, который пишет, это как бы зонд, которым он ощупывает дно, чтобы на нем не оказаться, ведь он “над не”! Он все время стремится предугадать Замысел Господа в отношении себя. Безусловно, быть со-трудником, со-творцом Бога значит осуществить божественное предназначение. Он пишет роман и стремится жить по нему, или на самом деле все угадывает? Но наступает момент, когда герой начинает раздваиваться. И читателю порой уже трудно различить, где жизнь настоящего героя Павла Словоца, а где жизнь героя его романа? Где Паша, а где Павел Словоц. И неужели Павел мог участвовать в фарсе, лишь бы сохранить свое счастье?

Все, что происходит со Словоцовым после того, как он решается на отчаянный шаг, все это уже не его реальная жизнь, а то, что он сочинил от слабости и страха за себя и за судьбу Веры. Прозаик побеждает Поэта, Павел

становится Пашей. А может быть, догадливый читатель и поймет, что в действительности было все не так, и Павел Словцов не успел дописать свой роман. По крайней мере, в этом романе он все же стремится остаться “над не”!

Проза Сергея Луцкого, в отличие от прозы Сергея Козлова, не строится на занимательном сюжете, нет. В его книгах важно не действие как таковое, а поступок, слово, поэтому важно не событие, но бытие. С эпическим принципом повествования в прозе Луцкого соседствует лирический, в котором образ начинает разворачиваться не динамически, а порой статически, не столько развиваться, сколько уточняться. Его повести заставляют вчитываться, всматриваться в героев, в их окружение. Здесь важна всякая мелочь, большую роль играет художественная деталь.

В книгах Луцкого нет абсолютно правых и абсолютно виноватых, как в жизни, у каждого своя правда.

Недавно вышедшая книга Сергея Артемьевича “Ускользящее время” названа почти по-прустовски (“В поисках утраченного времени”), поэтому время выступает не только в роли социально-исторического фона, но отражает и внутреннюю жизнь героев. Автор создает текучий образ времени, чаще всего враждебный человеку. Можно сказать, что время становится действующим лицом в его произведениях.

В повестях Луцкого постоянно сталкиваются стереотипы, навязанные социумом, с реальностью, которая их разрушает, с одной стороны, а с другой – с незабываемыми истинами. И герои повестей зачастую оказываются между ними, как между молотом и наковальней.

Беспощадно время и к героям повести “Затмение”. Из одних оно слепило хищников, из других – жертвы, поскольку те не смогли вовремя расстаться с утраченными молью представлениями о чести и совести, которые уже “не работают” в новом мире. И вот из уверенного в себе, успешного человека Кирюхин превратился в “маленького человека”, зависимого от продавщицы в поселковом магазине, где продают дешевое молоко, от Гены Ратникова, бывшего коллеги, теперь коммерсанта средней руки, от бригады, решающей, давать или не давать его зарплате высокий коэффициент. И пусть Кирюхин еще способен принимать разумные решения, например, отправить сына подальше от бандитских разборок, к бабушке, сам он не знает, что делать. Герой понимает, что стать хищником или приспособиться он не сможет – не дано, как не дали его сыну заняться бизнесом или другу Юре уехать в Новую Зеландию. Но и жертвой становиться Кирюхину тоже не хочется. Отправляясь в больницу к сыну в поздний час, он прихватывает с собою газовый пистолет: “Кирюхину хочется, чтобы на него сейчас напали, уж тогда бы выместил все, что накопилось. Пистолет не понадобится, он будет рвать зубами, грызть глотки...”. Неужели правы те, кто считают, что в экстремальных условиях человек превращается в животное и весь тонкий культурный слой рушится под воздействием инстинктов? Это значит, что те ценности, с позиции которых Кирюхин судит новое время, не укоренились в нем самом. К себе самому у него претензий нет – соблазнение жены друга он не считает преступлением. Отсюда название повести: “Затмение”, а не “Землетрясение”, хотя землетрясение является лейтмотивом в повести и образом-символом. Старая почва уходила прямо из-под ног, нужно было спасаться. Но спастись можно только при условии неукоснительного следования вечным истинам – их-то как раз затмили проснувшиеся инстинкты.

Прошлое и настоящее еще более переплетены в повести “Варианты Надежды Вилоровны”. Как и в других повестях Луцкого, в ней взаимодействует сразу несколько сюжетных мотивов – мотив выбора спутника жизни и личного счастья, мотив блуждания в семейных тайнах, мотив повторяемости заблуждений дедов и внуков. И привычный конфликт между старым и новым развернут по-своему. Общество разделилось на сочувствующих разным политическим группировкам: коммунистам, демократам, либералам. Время предстало как бы в разных масках, соответствующих героям повести. Вот – противник демократов, патриот Сироткин, сотрудник журнала “Химия и природа”. А вот – яростная демократка Ярошенко, главный редактор этого же журнала, получившая за свои статьи награду Европейской экологической гильдии. Рядом с ней ее заместитель, “серый кардинал” Родневских. Все считают, что она тоже разделяет демократические взгляды начальницы и ее

ближайшего окружения, но на деле все оказывается не так. Поняв, что происходит в стране, Родневских реализует “демократические” принципы – грабит доверчивых сослуживцев и клиентов.

Главная героиня повести Надежда Вилоровна – поначалу тоже убежденная демократка. Не ясна только позиция ее “последнего варианта” – мужчины, подающего слабые надежды на будущее. Героиня про себя окрестила его “мерзавцем”. “Поначалу он смахивает на уголовника. Крепкое лицо, короткий нос, тонкая, будто волосы только-только отрасли, стрижка... Надежда в легкой панике, она не понимает, кто он на самом деле. А он будто специально сегодня себя называет консультантом пиаровской фирмы, завтра тренером по кикбоксингу, послезавтра театральным художником. Не считая того, что в Доме журналистов представился ей как специальный корреспондент стокгольмского еженедельника. Даже сколько ему лет, Надежда толком не знает”. Зато позже она узнает, что он занимается еще и рэкетом.

С Мерзавцем Надежда стала встречаться, потому что у нее не было вариантов, потому что он привлекал ее своей необычностью, некоторой таинственностью. Хотя одновременно зыбкость отношений ее раздражала и унижала. Было в Мерзавце нечто демоническое. Ведь это именно он навел ее на мысль о том, что она подкидыш, то есть человек свободный от исторических корней, а потому не несет ответственности за сегодняшнюю сумятицу. Это он внушил мысль, что между нею и ее подругой Лилей существует подсознательная лесбийская связь – мысль, которая чуть не разрушила их дружбу.

Мерзавец – само воплощение времени: манит, но ничего не дает; искушает, нашептывает скабрёзности, над всем потешается. Надежда постоянно его с кем-то путает, она видит его почти в каждом прохожем – настолько Мерзавец типичен и многолик. Недаром герой не имеет собственного имени. Он – демон. Время, которое пытается сбить с дороги, запутать человека, стремящегося к правде и справедливости. Но где они, правда и справедливость? В этой жизни все так перемешано. Сама Надежда, приветствующая демократические преобразования в стране, носит непривычное отчество Вилоровна, потому что ее дедушка был большевиком и сыну дал имя в честь Владимира Ильича Ленина. Первая часть имени Вилор – это аббревиатура имени, отчества и фамилии “организатора революции”. Наивность демократических воззрений Надежды подчеркивается ее неоспоримым сходством (внешним и внутренним) с дедушкой Степаном Мефодиевичем, который в молодости ни с того, ни с сего бросил нормальную жизнь, перестал, картузник по профессии, кроить околышки и подкладки, ходить по воскресеньям в трактир, осознав, что все не так. Он решил, что “мир устроен несправедливо, люди должны друг друга любить, а не подавлять и не издеваться. Ради этой мечты идет на разлуку с невестой-курсисткой, живет в полудикой деревне...”

Но и демократические преобразования начались в стране тоже из недовольства жизнью. Хотя Мерзавец иронизировал над этим “вдруг”: “Вашу ностальгию, Надин, по поводу безвозвратно канувших в прошлое библиотечных дней со сном до обеда, полубогемной обстановкой в конторе и либерального начальства периода стагнирующего социализма. Ах, как я вас понимаю, как понимаю! Ведь скучно в сытом стойле, не так ли?... Понимаем-с, ветер перемен. Точнее, зуд оных. В поле вольное, на зеленую траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зеленая трава? Мираж один, фата-моргана. И, прошу заметить, всегда в чьих-то интересах. Наживка-с...”. И Октябрьская революция, и перестройка при всех их различиях принесли возможность одним свободно решать свои проблемы за счет других.

К концу повести Надежда что-то начинает понимать. Она видит, что мелькание масок времени может завести ее в тупик, как и дедушку Степана Мефодиевича. Вожди произносят красивые слова, за которыми прячется только корысть. И что наивные чистые люди, увлекаясь прекраснодушными идеями, становятся очередной жертвой политических интриганов. Политические группировки – не больше чем игра в варианты, которые по большому счету невозможны, потому что есть что-то большее, что называется судьбой. К счастью, Надежда смогла остановиться и услышать голос судьбы. Приняв участие в Алене, девочке, оставшейся без близких.

Время бежит, бесконечно изменяя облик мира, и человек не может угнаться за ним. Он едва успевает привыкнуть и что-то понять, как уже нужно

принимать новые условия жизни. А может, вообще не стоит бежать за временем, но думать и жить для вечности?..

Однако герои Луцкого – люди беспокойные и страстные. При всей своей обычности они не только где-то служат, за что-то борются, кого-то любят, они еще и думают, пытаются понять, зачем они живут, в чем смысл существования. В своих поисках они ошибаются, сбиваются с пути и часто начинают винить главных своих врагов – обстоятельства, власть, то есть персонифицированное время, произнося ему приговор. В отличие от героев, сам писатель спокоен. Он продолжает загадочно смотреть куда-то сквозь свои темные очки.

Манера непринужденного рассказа присутствует и в произведениях Николая Коняева, где, изображая сломанные судьбы, писатель ставит перед читателем серьезные вопросы. У каждого из героев сборника “Околоток Перековка” своя история: Гурий Фадеевич, бывший главный редактор районной газеты, постепенно изживает из своей души смертельную обиду на того, кому прослужил почти всю свою жизнь (“Ночной грибник”); Степан Аркадьевич из рассказа “Старинный городской романс” только в конце жизни осознает, что изменил себе, и потому жизнь прожита нелепо. В документальной повести “Возмездие, или Версия жизни и смерти гражданина из города Березова Коровьи-Ножки” дана история блудного сына, только перед смертью обратившегося к Богу, так как выхода у героя уже никакого не было. Кузьма Илларионович – игрушка в руках судьбы под названием русская революция, которую он не в состоянии был понять. Не понимает герой и того, каким образом его бескорыстный поступок (помощь в побеге Л. Д. Бронштейну-Троцкому) оборачивается для него и всей его семьи постоянным страхом и рядом трагедий.

Повести Коняева созданы на конкретном сибирском материале. Однако, изображая русскую провинцию, писатель смог рассказать о современном русском человеке как таковом.

Все три писателя, безусловно, связаны с русской классической традицией, но каждый по-своему. Проза С. Козлова синтезирует формы объективного и психологического романов. Произведения Козлова остросюжетны, и мотив судьбы в них часто является главным.

С. Луцкий, напротив, создает неспешную прозу, в его рассказах и повестях действуют обыкновенные люди, и, как правило, они не достигают своих целей, при этом неважно, какими качествами они обладают. Все его герои – люди думающие и страдающие, потому что время с каждым из них шутит свою шутку.

Герой Коняева такой же маленький человек, как у Луцкого. Рассматривая его как продукт истории, Коняев объясняет все беды его же поступками. Но даже рассказывая о трагических обстоятельствах в жизни своих героев, писатель стремится поднять читателя над событиями, отстаивая идею высшей справедливости. Наверное, поэтому Н. Коняеву ближе всего пушкинская традиция – традиция гармонического преодоления крайностей.

Однако, несмотря на столь яркую творческую индивидуальность, всех их, Сергея Козлова, Сергея Луцкого и Николая Коняева, объединяет любовь к России и осознание того, что все, что ни делается в мире людей, имеет непосредственное отношение к Богу.

г. Ханты-Мансийск

_____,

 _____ "_____" _____

✂

Почта России		ф. СГ-1									
АБОНЕМЕНТ на _____		_____ (подписка издается)									
НАШ СОВРЕМЕННОК		КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ _____									
На 2009 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____		_____ (адрес)									
Кому _____											
Почтовый индекс _____		ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА _____									
_____ (тип)		_____ (тип)									
на _____		НАШ СОВРЕМЕННОК (наименование издания)									
Стоимость	подписки	руб.	Количество								
_____	_____	_____	_____								
_____	_____	руб.	количество								
На 2009 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
_____ (почтовый индекс)		_____ (город)									
_____ (область)		_____ (район)									
_____ (улица)		_____ (дом)									
_____ (двор)	_____ (корпус)	_____ (квартира)	_____ (индекс п. д.)								

Подписной индекс журнала "Наш современник"
 - на 6 месяцев – 73274
 - на 12 месяцев – 72336